

Глава пятая НА ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ 1941–1945 годы

Туча страданий

После недолгой и относительной стабильности опять наступила жизнь нехорошая. Загремел гром. Объявили о начале войны. День 22 июня 1941 года мне не показался особенным. Помню, шел я на работу с девяти часов вечера. По радио выступал Молотов. Говорил, что всех запасов – на 10 лет. Пошел на работу, утром вышел из шахты. На участке выдавали уже хлебные карточки – по 800 граммов хлеба в сутки на шахтера. Кого прикрепили к столовой, кого – к магазину.

Меня прикрепили к столовой. Она рядом с комбинатом. Там было два отдела. Технический, где питались от горного мастера и выше. И общий отдел – для всех рядовых. Очередь громадная. В квартире в бараке я почти не находился. Был на работе и в столовской очереди. Газеты только и писали: «Не опоздай, не уходи раньше времени». Получалось не 12, а 15 часов работы. Так что иногда ночевать приходилось в мойке, где появились крысы и были вши. Но бежать от них некуда.

Каждый день митинги: надо давать угля больше. Потом уголь брать перестали, и он в огромных кучах загорелся. Начали посылать людей перекидывать его с одного места на другое. В то время я работал коногоном и меня никуда не посылали лишь потому, что на мою работу охотников мало. И, где мы уголь грузили, над нами слишком много контроля было.

Тыл ослаб

Пресс войны давил, продукты на шахте оказались на исходе. Бывали такие дни, что хлеб вообще не привозили в магазин, где отоваривали карточки. А на шахте в столовой его сразу съедали. В войну людей убавилось. На фронт мало кого брали из шахтеров, потому что на них распространялась бронь. Наша семья состояла из 5 человек. Пошел брат Павел работать в сапожную мастерскую. К нам подселили квартирантов. Но вскоре им дали другую комнату.

Записался добровольцем

В 1941 году я без чьего-либо нажима подал заявление, чтобы пойти добровольцем на фронт. Подали заявление мы четверо. Мне было отказано. Из-за арестованного в 1937-м отца, наверное. По слухам, те трое, которые подавали заявления со мной, через три дня были взяты в армию, а потом погибли на польской границе.

Я знал дорогу только на работу и на койку, где мог приготовиться к следующей смене. Но некоторые молодые люди после ночной ходили отдыхать в Зенковский парк, на озеро, и оттуда шли в ночную смену на работу. Этого я не делал, не хотел над собой, обессиленным, издеваться.

Цыганка Яда

В начале войны в Прокопьевском горном техникуме закрыли кое-какие факультеты. За счет этого мне прислали помощников чистить подземные железнодорожные пути и в шахте грузить уголь. Среди них были две девушки. Одна цыганка. Ее имя – Яда. Она невысокого роста и не черная, а русая. Я их принял в компанию как своих людей. Они думали, что шахта сразу их задавит. Мне пришлось показать, что они должны делать, где им от бесконечного сильного

* Продолжение. Начало в журнале «ОК», № 1 за 2017 год.

ветра можно укрываться. Стали мы весь страх пере-носить вместе. Такая жизнь отчасти сплачивает лю-дей. Одну студентку потом взяли в контору, а Яда осталась грузить уголь. Она жила в соседнем горо-де – Киселевске. Семья у нее: два старших брата. Но я ей был не рад. Она приходила на работу раньше меня, потому что мы с лошадьми спускались позже.

Когда я приходил с лошадью на рабочее место и не было посторонних людей, она подавала свер-ток. В нем кусок кролика, или кусок конины, или сваренная большая свекла. Отвязаться, не взять из ее рук тормозок было просто невозможно.

Однажды братья принесли ей одежду к шахте и увидели меня. Младший ничего не сказал, а старший спросил, почему я не хочу брать то, что она для меня приносит. «Нам о тебе она много говорила, – сказал он, – поэтому ты бери тормозок. Мы знаем, что тебе многого не хватает и негде взять, а у нас это есть. Ты бери, что сестра приносит, а ее не обижай и не тро-гай». Подумал, зря я побаивался цыган. Эти люди, я знал, шутки шутить не любят. Пришлось брать из рук молодой цыганки дополнительные харчи. Вскоре и ее перевели на работу в контору шахты.

Сломал ногу

Работал в ночную смену и получил тяжелую трав-му: сломал правую ногу. Произошло это 27 августа 1941 года, часа в три ночи. Стал инвалидом. Это хуже или лучше, богу знать. В то время коногонам лошадей давали самых разных. И к каждой нужно было приспособляться. А в ту ночь мне дали ло-шадь, которая бьет задом, о чем я от других коного-нов слышал. Пришел на место работы, одел на ло-шадь цепи и стал развозить порожние вагоны. В один момент побоялся лошади, на ходу состава не-правильно поставил ногу около вагонетки, и мне ее сломало. Спрыгнул на одной ноге с вагона, отполз в сторону от путей и стал ждать появления какого-ни-будь человека. Мимо шла мотористка, спросила, что случилось. Сказал: «Сломал ногу». Боль ужасная.

Появился мастер, позвонил дежурному по шахте. Пришли люди с носилками, на ногу положили доски, и все забинтовали, вполз я в вагон, лег на носилки. Довезли меня электровозом до клетки, а потом, как груз, выдали на поверхность земли и занесли в здравпункт. Там уже трое охало, я стал четвертым. Подошла машина, поставили носилки со мной в ку-зов, а те трое сели рядом. У двоих были сломаны руки, у одного повреждено плечо. Тронулась машина по ухабам в больницу. Время было пять часов утра. В шесть утра привезли. Пошла сестра за врачом. При-шел мужчина, посмотрел и сказал: «Даже в коридоре места нет». Да и видно было в дверь, что завалены больными весь коридор и все лестницы. В каких только тряпках люди там ни лежали.

Попал в госпиталь

Врач пошел звонить в госпиталь, чтобы там хотя бы двух травмированных шахтеров приняли. Там согласились. И нас двоих привезли в госпиталь. По-казали мне ванну: «Мойся». Помылся. Опять на но-силки, переодели в больничное, понесли в палату. Палата предназначена для двух человек и была сво-бодной. Положили на койку. Часы показывали во-семь часов утра. Помещение госпиталя теплое, чи-стое. Видел, что лежали здесь и люди, обгоревшие в шахте после вспышек метана.

И вот время подошло к 10 утра. Пришли с но-силками, на них понесли меня в операционную. Там три врача: двое мужчин и женщина. Подошел к го-лове мужчина и сказал: «Ты молодой, и косолапому тебе долго ходить придется. У тебя вывих и перелом. Нам нужно восстановить вывих, потом посмо-трим перелом, так что терпеть надо не меньше часа. Надеюсь, ты вынесешь, а обезболить у нас нечем». После этих слов он ушел к ногам, там все навалились на меня. Нога в одно мгновение затре-щала. Меня бросило в жар, выступил мелкий пот. Дальше что делали, я уже не чувствовал. Когда за-гипсовали ногу, тот же врач подошел к моей голове и сказал: «Все возможное сделали, поправляйся».

Принесли в палату. Там уже была койка с аппа-ратом, куда нужно привязать ногу. Все время лежал на спине. Боль бесконечная.

Кормили, с голода умереть нельзя. Если у пова-ров госпиталя оставалась каша, был совет, кому ее добавить. Мне передачи не приносили, да и носить нечего было. Родным взять еду негде. Получали норму. Кое-когда придут с бутылкой молока, но та дорого стоила: половина литра – 20 рублей. А ве-дро картошки – 400 рублей.

Переночевал с усопшим

Первые три ночи в палате находился один. На четвертую – в два часа – принесли второго больного. Ему отняли ногу, санитары положили человека на кровать и ушли. Он стал биться, дергаться. Вошла медсестра, потом побежала за врачом. Врач посмо-трела на происходящее и сказала: «Он сейчас умрет, все порвал». И мой сосед по палате притих, два раза потянулся и богу душу отдал. Они решили, что я сплю. И между собой договорились: «Пусть лежит до утра». Хлопнули дверями и ушли. Я остался с покой-ником один на один. Боялся? Нет. Всеми бывает пре-дел. У самого были ужасные боли. Да и какая мне разница, живой или мертвый лежит на соседней кой-ке? Утром пришли с носилками и унесли умершего.

Проглотил окуроч

Дня через четыре положили в мою палату деда со сломанной ногой. Его фамилия Самодуров. До

101

него я в госпитале не курил, хотя до этого смоллил. Просто в больнице негде было взять курево, да и боль мешала думать об этом. С дедом познакомился. Он тоже был неходячим. После врачебного обхода он спрашивает: «Трофим, можно мне покурить?» Я говорю: «А есть ли у тебя, что курить?» Он ответил: «Есть». Я ему: «Кури, оставишь немного». Дверь закрыта, я палкой отворил форточку. Дед закурил, оставил мне, я докурил – голова кругом пошла. Успокоился, вошел в себя. Курево пошло два раза в сутки – днем и поздно ночью. И так стали мы темы для разговора находить и покуривать. Утаить дым нельзя, запах никуда не денешь.

Однажды зашел главврач и сказал, что ему доложили, что от нас пахнет дымом и табаком, а тут люди лежат с ожогами. «Если захвачу, – предупредил он, – выгоню обоих». Что делать? Стали только ночью смолить. Но это занятие затягивает. И вот в воскресенье после обхода дед предлагает: «Давай по маленькой искурим». Я палкой открыл форточку. Завернули по маленькой. В это мгновение открылась дверь. И – главный врач стоит в дверях. Дал приказ перевернуть постели, найти окурки и табак. Сразу к каждому из нас подскочили по две сестры, вытащили из-под нас тряпки, все перетрясли. У деда нашли окурки, у меня – нет. Я его проглотил. Деда выгнали, но он не сказал, что я курил. Кончилось наше курение в госпитале тем, что меня перевели в другую палату.

Биография Наполеона

В новой палате нас лежало трое: двое из них – некурящие. Среди них был еврей. Я не помню, с какой болезнью он попал в госпиталь. Ему приносили книги. Он их не читал, а клал под подушку. Однажды я увидел у него солидную книгу. Попросил посмотреть. Книга оказалась о Наполеоне Бонапарте, со дня рождения и до смерти. Спросил соседа по палате: «Вы будете ее читать?» Он ответил: «Нет, я беру книги, чтобы дочь не обижать». Я переспросил: «Так мне можно эту книгу почитать?» Он сказал: «Пожалуйста». Так я нашел занятие вместо курева. То был неплохой писатель. Кто, не помню, но такой книги больше я не встречал.

Встал на костыли

Через 15 дней убрали из-под моей висячей ноги станок, дали костыли. Нужно учиться ходить заново. Встал около койки, голова кругом идет. Постоял, немного успокоился, пошел вдоль стены в направлении туалета. Дошел, слава богу. Зашел в туалет, постоял немного, двинулся назад в палату. Дошел и сразу рухнул на койку. Всё нужно начинать сначала.

Нога большая моментально опухала, и здоровая пухла вслед за ней. Но ходьба началась, ходить учиться надо было во что бы то ни стало. День ото дня все легче и ловчей получалось. Через неделю стал пользоваться костылями так, как будто с ними родился. Однажды забыл, что сломана нога, и наступил на нее как следует. Меня бросило в жар. Скорее в палату, на койку. Соседи сказали, что я побледнел. Но с каждым днем я ходил лучше. Боль уменьшалась.

Не познакомился с вдовой

В моей палате люди часто менялись. И вот однажды положили одного больного со сломанной рукой. Он лежал на койке рядом. Ему передачи приносили каждый день. Богатые были передачи. Однажды утром этот человек меня спросил, женат я или нет. И сказал, что у его жены сестра вдова, потому что муж погиб. Она в своем доме живет, обута, одета. У нее двое детей, работает в магазине. Не увидев моей реакции, он стал мне говорить, что нога у меня не скоро заживет, что видно, что у меня ничего нет. Он сказал все правильно и оценил правильно. Только не знал одного: согласен ли я стать богатым за счет такого сватовства? Так я ничего ему и не ответил. И не подошел к окну посмотреть на овдовевшую даму и потенциальную невесту. Я понимал хорошо, что я нищий, хотя в то время таких немало было.

Домой в больничной одежде

Шло время к выписке из госпиталя. И вот настал этот день. Меня привезли домой на подводе в больничной одежде. В таком виде из лечебных учреждений в то время возвращались многие, потому что потрепанную шахтерскую амуницию, в которой привозили травмированных горняков, в больницах не сохраняли. И вот около нашего барака в Березовой Роще остановилась лошадь с телегой. Я встал на костыли и зашел в барак.

В то время в нашей квартире жили подселенные: бабка с дочерью. Дочь работала на шахте, бабка сидела дома. Нам приходилось ходить через их комнату. У них было чисто. Соседи ждали, когда у нас кончатся харчи и мы начнем умирать. Но напрасно. У нас был посажен картофель в двух местах. В одном месте его украли, с другого места мать накопила ведер 50. Помимо того, нам давали хлебные карточки. Мне 800 граммов хлеба в день, матери – 800, Павлу – 600, Ивану – 400, Василию – 400 граммов.

Мы продолжали жить в тупиковой маленькой комнате – пять человек. Сначала я лег отдыхать со

сломанной ногой. Еда – одна картошка с хлебом. В общем: ни поест толком, ни покурить, если брат Иван не наберет на улице окурков. Улегся я на топчан, пролежал месяц. Рассчитывал через месяц встать на ногу больную. Пошел в больницу, спросил у врача. Он сказал: «Надо парить ногу и вставать на нее». Пошли мы с братом Иваном в баню. Думал, попарю ногу и пойду. Не тут-то было. Мне пришлось из бани домой ползти на карачках. Потом пришлось брать руками покрепче костыли и больше двигаться.

Пирожки с ливером

За больничный лист уплатили 25 процентов от заработка. Признали: сам виновен в переломе ноги. Пришел на костылях на шахту на свой участок, где работал до травмы. Начальник участка дал мне хлебную карточку на ноябрь 1941 года на 800 граммов хлеба в день. Там же помощник начальника дал мне талоны на пирожки с ливером. Талонов дал много и сказал: «Приходи, еще получишь». Пирожки привозили с мясокомбината и в шахтовом дворе раздавали по талонам. Я набивал ими сумку и двигался до топчана, это – не картошка, и на утро было совсем другое самочувствие. И так стал привыкать корм добывать, окурки собирать. Нужно было много двигаться, иначе – гибель. А куда было деться, если расстояние от барака до шахты «Коксовой» – четыре-пять километров в один конец.

Срезали паек

В конце ноября 1941 года врач из госпиталя направил меня на ВТЭК – на медкомиссию, и там дали вторую группу инвалидности на три месяца. Выписали хлебную карточку на 400 граммов в сутки. И за больничный лист снова заплатили 25 процентов. Жаловаться было нельзя и некуда. Но я уже стал ходить с палкой, бросив костыли, хотя сама ходьба была все еще тяжелой. Еще через какое-то время мой начальник участка на шахте сказал: «Рабочую карточку не могу выдать, только иждивенческую на 250 граммов хлеба в день». Это усложнило дело, так как с харчами стало еще хуже.

Поселился на базаре

Пришлось переселиться на базар, где всегда толпился народ. Базар к бараку немного ближе, чем моя шахта. Ходил к торговым рядам каждый день, знал цену каждой пуговицы. Сначала нашел на рынке голову от рыбы, какой – неизвестно, и съел ее. Потом нашел дохлую курицу, сварил и съел. Остался жив. Стал даже привыкать к базарной жизни. Голодным не был. На второй день попытался помочь другим продавать тряпки. К вечеру на заработан-

ные деньги поел на базаре кислое молоко и пирожки с картофелем.

Следующие дни я также помогал кое-кому вести торговлю. К вечеру подходил к продуктовому ларьку. Покупал банку меда, выпивал мед и сутки есть не хотел. Так это – спасение. Привык, освоил дело. Вставал утром в бараке, брал костыли и двигался на рынок. Торопился, чтобы без меня люди не сумели купить подходящий товар. В него входили спецодежда, белье, мыло, чулки, носки, ботинки, сапоги. И так – с утра и до темна. У меня, как у помощника продавца, дела шли нормально. Я уже знал, сколько стоит иголка и за сколько ее можно продать. Кое-что приобрел для себя. Купил себе штаны, куртку, часы. Ходил с палкой. Что поделаешь? Жить нужно.

Мыло из глины

Прошли три месяца, снова – ВТЭК. Медицинская комиссия признала меня здоровым только для работы на поверхности шахты. Оформился в механический цех на пресс. Делал гвозди, вырезанные из старых труб и не очень похожие на обычные. Работа нетяжелая, но весь вымажешься в мазуте, а мыла нет. Глиной мылись. Но отмыть мазут ею просто невозможно. Нога по-прежнему давала знать о себе. Записался на курсы электрослесарей. Курсы двухмесячные, быстро получил права. Записался на курсы машиниста подземного электровоза. Окончил и получил права.

На базар ходить было нельзя, потому что работа без выходных и к ней добавились курсы. Появилась слабость, и кое-когда шла из носа кровь. Написал заявление начальнику шахты о переводе кондуктором. Он подписал. Не нужно комиссию проходить. На следующий день пришел в личный стол, переложил карточку на участок транспорта. Хотя там нужно ходить больше, но все же свежий воздух, больше паек и за перевыполнение плана – дополнительные харчи. Хлебная карточка – один килограмм в день. Находились в шахте по 12 часов и больше, через два дня полагался выходной. Можно было в выходные ходить на базар, где я стал специалистом.

И вот однажды на базаре меня попросила женщина закатить бочки с медом с улицы в ее киоск. Согласился. Было пять бочек по 200 килограммов. Вместе закатили одну, открыли. Она мне налила пол-литровую банку меда. Сказала: «Тару вернешь». Вышел из киоска, за углом выпил мед, сполоснул банку водой – тоже выпил. И до следующего обеда есть не хотел. Подумал, какая выгода.

Когда было время, заходил в этот киоск. Продащица меня знала, наливала банку меда, я выпи-

вал, отдавал банку и 150 рублей денег. Булка хлеба стоила 300 рублей, картофеля ведро – 300, мед – 300 рублей за один килограмм. Через неделю кровь из носа перестала идти. Вылечился. Работа на участке транспорта была не такой тяжелой, как прежде. Кое-когда оставляли на две смены, но сутки потом отдыхал.

Увеличили добычу угля

Крутые пласты Прокопьевского угольного месторождения требовали оригинальных методов добычи. Поэтому шахта «Коксовая» стала полигоном для испытания и внедрения передовой техники.

Впервые в стране здесь была внедрена щитовая система отработки угольных пластов крутого падения, которая в четыре-пять раз подняла производительность труда. К 1942 году с помощью щитов в Прокопьевске добывали треть угля, а на «Коксовой», шахтах имени Калинина и Ворошилова – почти половину.

Живительная сила

Вот чем мне запомнился январь 1942 года. Утром, в полшестого, поднялся дома с нар, надел на себя тряпки. Помню также свои брезентовые ботинки. Мне было 24 года. За окном – пурга. Харчи – холодная вода. Принял 400 граммов воды. Сам не помню, для чего так сделал. Вышел на воздух, нужно до шахты бежать пять километров. На работу бегом, иначе замерзнешь. Обут был в упомянутые кирзовые ботинки, одет в фуфайку.

Пробежал расстояние, зашел в мойку, надел еще хуже тряпки и чуни. И живой спустился в могилу на официальный горизонт 50 метров (на самом деле это – триста метров глубины и больше под землей). Отработал 15 часов, выгрузил кучу леса из «коз» с напарником немцем.

Иван Семенович Лейман – советский немец. Ему было лет 20. Чудо-богатырь. Выгрузили 50 кубометров леса. После я норму хлеба съел. Это были годы молодые. В настоящее время возникают сомнения в том, как можно было столько часов работать без еды.

Машинист подземного локомотива

В 1942 году после всех перипетий с переломом ноги стал работать машинистом подземного электровоза. Поступил приказ: передать трех машинистов на участок доставки леса в забои. Среди них оказался и я. Здесь было тяжелей. Под землей машиниста локомотива заставляли выгружать лес из вагонеток, помогать двум доставщикам леса. Смена 12 часов, через два дня – выходной. Наряд проходил так. Спускался в шахту,

принимал электровоз. Эта машина небольшая, весила семь тонн вместе с батареей. Работала она от аккумуляторов. Если слабая батарея, ехал в депо для замены.

Со мной все время был бригадир. Это – контроль. Зачем он едет? Чтобы я не пробыл лишнюю минуту там, где потеплее. Из депо подъезжали под лесной уклон. Это место, где в шахте принимают лес с поверхности. Тут температура воздуха доходит до минус 30 градусов. Открывали перемычки – деревянные двери большие – и сильной струей шел воздух с поверхности земли напрямую в шахту. Его вихрь нес за собой пыль, щепки, проволоку и прочий мусор. Прицеплял прибывшие «козы» с лесом к электровозу. В «козу» вмещается до трех кубометров леса в среднем. Прицепляют «коз» штук восемь, чтобы получился состав. Подают мне сигнал: поехали. Я включаю электровоз. Из-под колес искры сыплются потому, что «козы» застыли на морозе, колеса у них не крутятся. Но я все же вытягиваю состав на главный квершлаг. Там потеплее, колеса отходят и начинают нормально крутиться. Еду до назначенного места. Бригадир идет впереди, я за ним еду. Этому человеку было много дано прав. Оговариваться не положено. Он был выше мастера в то время.

Каждая минута была на счету. Нас гоняли в утреннюю смену с девяти часов утра до девяти вечера. Это было самое тяжелое время. Ни хлеба, ни капусты, ни картофеля. Что получали, все сразу съедали. Ночью собирались и шли в степь, где была посажена капуста. Здесь мерзлые кочаны собирали, накладывали в мешки и несли домой. Потом парили капусту мерзлую без соли. Это – еда. Ее можно и лишнюю порцию съесть. Желудок был не пуст, а это много значило. Тот год – самый голодный. На рынке цены были такие. Ведро картофеля – 400 рублей, хлеб – 400 рублей булка, мед – 1000 рублей килограмм. Однажды брат Павел предложил завести в стайке около барака кроликов, но я отказал ему в этом из-за их прожорливости.

Ревтрибунал

Все еще шел самый тяжелый для меня 1942 год. Мне пришлось увидеть судью военного трибунала. Это было в моей смене, когда я работал машинистом электровоза. Подсудимый и после суда продолжил работу в нашей смене. То был Александр Курочкин, человек неграмотный. Он ходил в шахту и домой в одной и той же одежде: брезентовые брюки, на ногах чуни, сверху – брезентовая куртка, внутри которой была пришита большая заплатка. Это был карман, где хранились харчи. Он оттуда еду ни-

когда не доставал. И никто не видел, что там было. Когда выпадала свободная минута, он опускал над этой заплаткой голову: жевал немного и снова работал. Ходил до шахты пешком пять километров. Жил в землянке, трудился без хитрости. На любых работах он не мог себя проявить, а там где мог, честно выполнял долг.

В 1942 году на Пасху, это было воскресенье, он не вышел на работу. Нам на наряде объявили, что завтра его будет судить военный трибунал. И, действительно, утром подъехали сани, запряженные парой лошадей. Из них вышли лейтенант лет 30 и два солдата с оружием. Зашли в контору, и сразу к столу. Лейтенант снял шинель, положил бумаги на стол. Сначала он рассказал свою биографию. Мы поняли: образование у него 9 классов, но сейчас он председатель революционного суда. Лейтенант приказал подсудимому встать. Тот встал. Велено было подсудимому подойти ближе. Он подошел. Задали ему вопрос: «Почему не выходил на работу?» Курочкин ответил: «Был божий праздник». Далее последовало порицание: «Идет война, а тебе – праздник». Александр ответил: «Бог не заставлял воевать»

Судья посмотрел на этого человека, приказал ему сесть. Народу объявил: «Суд закончил работу». А начальнику лейтенант пригрозил: «Если будешь вызывать таких людей судить, сам пойдешь под трибунал». Хочу сказать, этот судья с большими правами был, но оказался справедливым. Если бы гражданский суд в то время судил нашего работника, то обязательно дал бы срок. Судья дальше свои минуты не тратил. Вышел, сел в сани с солдатами и уехал.

А Курочкин как был, так и остался в бригаде. Дошли слухи, что позже его арестовали за хранение трупа у себя дома в погребе. Я видел после отбытия наказания его на базаре. Лет через 15. Он был в той же одежде. Поздоровался с ним. Он сказал, что отбыл срок. Других подробностей не знаю. Бог знает, может быть, и живой этот человек. Мне и сейчас не верится, что он был способен убить человека и спрятать труп.

Бригадиры

Семен Костенков – мой бригадир. Я работал с ним с декабря 1941 года по февраль 1942-го. Он на четыре года моложе меня, но начальник сказал мне, что все его распоряжения должны выполняться. Он был ростом 175 сантиметров, одет в хлопчатобумажный костюм, синюю рубашку, всегда чистую, и фуфайку. Он жил с сестрой и матерью, а женился в начале войны. Был еще один бригадир. Вызвал

меня начальник: «Шалакин, вот твой бригадир, его распоряжения выполнять».

Этот человек по имени Александр был моложе меня года на два, выше среднего роста, сухощавый, работал проворно. В шахте мой бригадир ходил, как и все: в чунях. Это – литые сапоги-калоши, лужи не обходил, шел напрямую. 12 часов по колену в холодной воде. Он всегда шел впереди состава. Однажды я вынужден был остановить электровоз. Сказал ему, что воды по колено, замкнет электропроводка, а электровоз сгорит. Подошел какой-то начальник и сказал ему: «Дальше ехать нельзя». Я два страха сразу пережил: мог электровоз сгореть или могло обрушиться крепление выработки. На следующий день в этом месте с нами поехал наш начальник и сказал: «Сюда на электровозе не ездить». Как он отчитался за это, бог знает.

Шея у Александра всегда была забинтована чистым бинтом. Он со мной был не в плохих отношениях. Я его спросил, зачем ему повязка? Он сказал: «Я тебе покажу, что к чему». Когда мы с ним выгружали лес, он раскрутил тряпки: из его шеи тек гной. Господи, каких только людей нет. Он мне давал талон дополнительный на хлеб или на чулки. Говорил: «Продашь чулки, купишь хлеба».

Он был чересчур горячий. Припоминаю, как будто он попался с какой-то кражей. И больше я его не видел. Такой своеобразный начальник мне больше не встречался. Он первым прыгал в воду, в огонь. Себя не щадил. Попроси у него что-либо, последний кусок отдаст. Такие люди долго на одном месте не задерживаются.

Он весел был, всегда смеялся. Погода – под 40 градусов мороза, метель, голод, чему смеяться, зачем веселиться? А он был веселым. Почему смеялся и весел был? Это знал только он.

Думаю, что сама природа создает таких людей. Что это за люди были? Что у них было в глазах? Терпение. И большинство боролось, чтобы остаться в живых. Через три месяца бригадира вывели из шахты на поверхность. По слухам, он погиб при спасении людей на пожаре.

Хватались за соломинку

Большинство людей в войну хваталось за соломинку, лишь бы остаться в живых. Спасались кто как мог. Были верующие католики. Это люди с запада страны. Они собирались в круг и молились. На это никто внимания не обращал. А новых людей на шахту везли. Каждую неделю было пополнение.

В 1942 году свободного времени у меня не было. Трудился. Если есть что, то покушал. Нет –

105

съел пайку, отдохнул – и снова за труд. Если я запоздывал с работы, оставался в мойке ночевать до следующей смены, хотя грязно было, но пол теплый и людей много. И при такой жизни кое-где молодость брала свое. Нельзя говорить, что так было у всех. Были люди в то время, которые не знали, что такое голод, нищета и жили в достатке.

На фронт провозжали из госпиталя

В 1942 году мне пришло письмо с приглашением на вечер в госпиталь, где я проходил лечение сломанной ноги. Там были гражданские люди, медсестры, люди из НКВД, солдаты и офицеры, которым нужно было в армию возвращаться. Все организовали хорошо. Кто-то должен был сидеть на мероприятии из гражданских. Я не один был, еще было человека четыре таких, как я, – бывших пациентов госпиталя. На столе – спирт, водка бочковая. И нам по бутылке водки нужно было принести с собой. На базаре она стоила 250 рублей за один литр. Вечер длился до утра. И после гулянки я едва притащил домой свои ноги.

Скрасил одиночество

Как-то зимой шел с работы. Время было 10 вечера. Дошел до одноэтажного барака. В одном окне горел свет, напротив лампы стояла женщина. Подошел к свету, подошла ближе дама и спрашивает: «Откуда идешь?» Я тоже спросил: «Зачем вам нужно это знать?» Она объяснила, что у нее день рождения, но не с кем его провести. Просто привялесь, чтобы зашел. Бояться ничего не боялся. О болезни думать не думал, да и в голове этого не было.

Зашел к ней в комнату. Там стоял стол, он был прикрыт газетой. Печь топилась, плита краснела. Недалеко от нее стоял топчан под легким старым одеялом. Она узнала и была довольна тем, что мне только утром на работу, что я готов посидеть с ней за столом, а к тому же еще и холост и никто меня не ждет. Женщина задернула занавески на окне, подняла газету и пригласила к столу. С собой она была не худа и не толста, средняя женщина, может быть, постарше меня года на четыре. На столе увидел картофель, селедки штуки две, капусту и бутылку водки бочковой. Нормально пробыл здесь до утра, а потом понес свои кирзовые ботинки в сторону шахты. Больше эту мимолетную подругу не встречал.

Отказался от хорошего

1943 год. Была зима. Я шел с работы в 11 часов вечера. Пурга разыгралась такая сильная, что в некоторых местах нужно было двигаться ползком. Вы-

ход был: оставаться в мойке ночевать, но там – море вшей. Как оденешь спецодежду, чешется все. Когда сдашь одежду в прожарку и потом получишь ее пропаренную, то дня два терпишь. И я все-таки решил идти домой на свой топчан. Двигался согнутым в дугу, кое-где перебирался, прижимаясь к земле. Почти добрался до шахты № 5-6. В районе железнодорожного переезда обгонял женщину. Она зашумела: «Постойте».

Я остановился. Она подошла, спросила: «Куда идете в такую пургу?» Сказал ей куда. Она ответила, что ей со мной по пути. Двинулись вдвоем. Оказалось, она работала в школе учительницей и шла после уроков второй смены домой. Жила в своем доме с отцом и матерью. У нее был ребенок, и она попросила проводить ее до дома. Я это сделал. Около дверей она мне сказала: «Заходи к нам, попьем чай, у нас все есть, что надо». Поблагодарил ее за приглашение и пополз дальше, к топчану, где меня ждали картофель, лапша или каша. Там я мог дать передышку самому дорогому – моему здоровью. Бывало и так, что приходили вдвоем к топчану. Молодые годы ничем не заменишь. Утром вставали и шли в шахту. И большую часть суток находились под землей.

Тем временем происходили общественные изменения. 26 января 1943 года по Указу Президиума Верховного Совета СССР была образована Кемеровская область. Ее выделили из состава Новосибирской области, и она стала самой густонаселенной частью Сибири и азиатской территории России.

Под колеса попадали лошади

Лошадей спускали в шахту штук 35 в смену, не слишком точно знаю, но где-то около этого. А людей в то время – тысячи три. И вот мне не повезло. В декабре 1942 года работал в ночную смену, с девяти часов вечера до девяти утра, машинистом электровоза. Мой напарник был постарше меня.

Часов в 12 ночи мы везли груз к стволу. Было вагонов 30 двухтонных. Проезжали мимо уклона, где встречался холодный воздух с теплым. Стоял туман, ничего не было видно. Но я почувствовал, что что-то мягкое тронуло меня. В это же мгновение электровоз наш на что-то мягкое наткнулся. Еще метров 30 состав продвинулся и встал. Я вышел и начал ощупывать электровоз. Оказалось, под электровозом – лошадь. Электровоз весил семь тонн и лошадь задавил. Она была мертва. Доложили диспетчеру шахты. Дел оказалось много. Нужно было лошадь вытащить из-под электровоза. Пришла комиссия. Осмотрела место. Принесли ваги, рельсы,

стали поднимать электровоз. Провозились часа два-три. И людей человек 12 было. На меня вину не возложили. Никто никому не вызывал и ничего не сказал. Так что на лошадях мне не только пришлось работать, но и две лошади при мне смертельно травмировались.

Дети-сироты

В бараке, в котором я отдыхал после трудовых будней, за стеной нашей квартиры жила женщина лет 40. Муж у нее был забран органами НКВД в 1937 году. У них было трое детей: две девочки и мальчик. Она работала в мойке на шахте. В 1942 году заболела. Мне в их квартире быть не приходилось. И вот однажды часов в 12 дня подъехала телега, на ней кучер и мужчина лет 45. Он пошел к больной. Там никого около нее не было. Он подзвал соседку и спросил: «Есть ли кто в этом бараке, кроме женщины?» Она указала на меня, что я пришел с работы, отдыхаю. Он попросил разбудить меня. Пока я надевал рубаху, этот мужчина сам к нам зашел, поздоровался и спросил: «Ты один в квартире?». Я ответил: «Пока один».

Он заставил женщину выйти. Она ушла. Он спросил, был ли я когда-либо в той квартире, где больная. Я ответил: «Нет». Он: «Тогда пойди со мной, посмотрим вместе». Пошли, там лежала женщина в соломе, прикрытая тряпкой. С соломы что-то капало, под вид гнили. Он меня спросил, видел ли я такое. Я ответил: «Как умирают – видел, а такое – нет». Он сказал, что он директор школы и местный депутат, что ему об этом доложили. Он говорит, что сам нищий, знал нищих, но такого не видел.

Оказывается, когда она почувствовала, что беременна, то что-то приняла – какой-то состав. Сказала, что все сделала сама. Уехал депутат. К вечеру приехала какая-то женщина, привезла матрац, набитый соломой, подушку, тоже соломой набитую, старое одеяло, простыни и что-то из пищи: сахар, хлеба полбулки и консервов одну баночку. Женщины из барака сняли больную с топчана, убрали старую солому, постелили постель, положили на сухое, напоили чаем. А через недели две она умерла. Дети остались. Как им пришлось жить дальше, не знаю.

Не теряй хлебную карточку

Кто терял хлебную карточку, тот погибал. В нашем бараке в поселке Березовая Роща в одной семье был студент сельскохозяйственного техникума. Он потерял хлебную карточку и умер в 18 лет. Когда труженик клал в сумку свою норму хлеба, привязывал

ее к шее и работал по 14 часов в сутки. Положить сумку было некуда, могли украсть хлеб. Бывало, что это происходило и на моих глазах.

В тюрьму за прогул

В 1942 году арестовали брата Павла. Приговорили к четырем месяцам тюрьмы за прогул в сапожной мастерской. Пришел милиционер и увел его. Одет он был так: фуфайка и еще что-то из тряпок. Дома корки хлеба не было. Он в городе Гурьевске срок отбывал. Остался жив, потому что молод был. Гнали их от города Белово до Гурьевска (это километров 20–30) своим ходом при температуре минус 40. Охрана была – овчарки и сотрудники НКВД. Когда освободился, брал табуретку и шел на трамвайную остановку просить милостыню для того, чтобы не умереть с голода. Потом я устроил его на лесной склад шахты имени Сталина учетчиком. Он до сего времени доволен этим.

Дали растительное масло

Стало немного с голодом полегче. Кое-что стали выдавать, хотя бы масла растительного по одной бутылке на месяц на человека и еще кое-какие продукты. А работали в семье трое. Я, мать и брат Павел. Братья Иван и Василий собирали, что найдут или заработают от того, что продадут. Помочь никому. Брат Василий ходил в школу, учился плохо. Мать моя тоже отдавала все во имя спасения домочадцев. Боролась со вшами, тряпки парила в чугуне, иначе ничего не сделаешь. Работала по 12 часов и более, как вздумает начальник. С собой домой приносила комок угля и дрова, чтобы детей обогреть. В ней была богатырская сила.

Не все так существовали, как мы. Были люди и обутые, и одетые, и сытые.

Американское сало

К весне 1943 года еще лучше стало. Американцы прислали нам свиное соленое сало. Его выдавали по 30 или 50 граммов на день, были еще талоны на горячее второе блюдо ввиду нашей тяжелой работы. И еще нам каждый месяц стали выдавать по талону на 100 рублей для покупки ткани. Это тоже помощь. Осенью 1943 года тем, кто исправно ходил на работу, дали по два килограмма из того, что было: по полкилограмма масла сливочного, печенья, пряников и сахара. Все это – бесплатно, а кто подарок сделал, нам не говорили.

Сказали также на наряде, кто будет выполнять задания, будут дополнительно давать: забойщику 50 граммов сала и 200 граммов хлеба, остальным – по 30 граммов сала, 200 граммов хлеба и по талону

107

на горячее второе блюдо. Поэтому кое-кто остался в живых. Тем, кто в шахте возил лес, выгружал его, добавку давали каждый день. Это многое значило.

Желудок так не сосало. Работать заставляли не по-человечески. Но деваться было некуда. И хотя был тот же голод весной, но солнце стало теплее, и как-то оно нас бодрило, только не говорило, когда конец этим адским страданиям будет.

Бизнес грозových лет

Брат Иван в войну торговал папиросами. Брал по 100 штук, продавал по одной, себе на кусок хлеба зарабатывал. Он же собирал мерзлый картофель. Дома его мыли, толкли и пекли оладьи, называя их тошнотиками. Василий вешал сумку через плечо, милостыню просил у прохожих. А я выполнял задания в шахте. С питанием стало лучше. Только нужно работать, хотя работа низкооплачиваемая, но другую малограмотным никто не даст.

Если к сегодняшнему дню (1980-е годы) перевести, то у меня был самый низкий тариф – 2,1 рубля за смену. Работали по 12 часов. Эшелоны с новыми людьми на шахту продолжали приходить. Видимо, уже с военнопленными. Перед спуском в шахту в клетки людей загоняли, как скот. Кое-где применяли палки.

Ягодный кордон

Выходной день в войну давали один раз в декаду. В 1943 году некоторые люди в сезон регулярно ходили за ягодой в тайгу, благо она не так далеко. Ходили в тайгу после ночной смены. После этого на работе спотыкались суток двое. И вот наберем мы ягоду, а как пройти к дому из тайги? Везде выставлены посты и там собранное отбирали. Но мне не приходилось наткаться на охрану лесов, потому что я знал, где ее обойти. Дома ягоду смешивали, кто с чем. Большинство – с крахмалом. И варили кисель. Это уже была поддержка.

Сажали картофель. Давали нам землю невспаханную по норме – две сотки на человека. Вспахивали землю лопатами. Семена для посадки возили на тачках. И были довольны тем, что много делали и приходили на работу уставшими. При первой возможности в шахте дремали. Это великое счастье было, если дома удавалось на топчане поспать сытому. Нужно было бороться за жизнь каждый день.

Судьба занесла в морг

В те годы случайно пришлось сопровождать погибшего шахтера. Когда мы со смертельно пострадавшим горняком приехали в больницу, нам сказали, что в подвале трупы класть некуда, сначала

нужно разобрать завалы из покойников. Повели нас в подвал морга, открыли дверь. Это помещение глубиной четыре метра, забетонированное, 10 метров ширины и 25 метров длины. По обеим сторонам – двухэтажные полки. Все забито трупами разного пола, разного возраста. Убрали трупы с лестниц, занесли те, которые только что люди привезли. Нам дали справку, что мы сдали шахтера. Мы ее отвезли в здравпункт. И пошел я искать свой домашний топчан. Боже мой, почему на меня не подействовало увиденное? Наоборот, была радость. Ведь вместо 12 часов на работе я отбыл всего пять. Трупы мне не чудились, не снились.

Лишний кусок хлеба

Работал в те непростые военные годы я и машинистом, и бригадиром. Шел 1944 год. На работе по-прежнему без перемен, но появился лишний кусок хлеба. Голоден уже не был да и забот особых не чувствовал. У машиниста электровоза работа тяжелая. Нас четверо. Привозим лес, я выхожу из кабины машины, выгружаю вместе со всеми лес. Выгрузим, сажусь в машину, еду снова за лесом. И так – все 14 часов. Раньше времени с работы не отпускали. Не по-человечески требовали, а платили мало. За ту месячную зарплату мог купить только ведро картошки. Уже выдавали талоны на штаны, рубахи, ботинки.

108

Но это решал начальник. Кому хотел, тому и давал талоны. Были лимитные талоны на сто рублей. Можно было ткань, выкупленную в магазине, продать на базаре за 1 000 рублей. Сначала так и делали. К примеру, продашь материал, купишь картофель на посадку. С питанием стало лучше. Начали положенную норму отдавать. Голод стал исчезать. Можно было по карточке в магазине купить костей. При добавке пайка, упали цены на базаре. Можно купить картофельный пирог уже не очень дорогой. В то время появилось на базаре много старой одежды, обуви. Барахолка работала чуть ли не сутками: с рассвета до темна. Появились денежные игры. Отбирали, кто у кого что-то мог отнять. Даже стреляли друг в друга.

Чуть не потерял палец

В 1944 году на работе мне чуть не оторвало палец на левой руке – указательный. Проще говоря, на нем слезло мясо с кости. Было где-то 10 утра. Около ствола прицепил к электровозу порожние «козы». В это время с хвоста по вагонеткам ударил другой электровоз. И у меня мясо кисти руки осталось в рукавице.

Рядом стоял десятник и все видел. Вышел из шахты, помылся. Стояла осень, но уже выпал снег.

Пришел в 12 дня в медпункт шахты. Врач посмотрела на руку и предложила отнять палец. Я им побарабанил, палец шевелится, хотя и без мяса. Поэтому сказал: «Нет». Она мне говорит: «Давай отнимем палец – рука быстрее заживет». И опять сказал: «Нет». Она: «Не имею права настаивать на своем». Помазала, засыпала чем-то, и пошел я в больницу. Там отправили на перевязку. Рассекли бинт. Очень больно было. А вторая перевязка прошла легче. Дала комиссия больничный на 10 дней. Но всего проходил я по больничному два месяца. За это время отдохнул, увидел солнце, как оно всходит и заходит.

Стал десятником

В конце 1944 года ходили в шахту в ночную смену по 15 дней. И вдруг не вышел десятник на работу. Он шел по улице, упал, потому что что-то у него заболело. Я, работая с девяти часов вечера до девяти утра, в конторе обычно садился на пол около печки, когда народа много, а его всегда было много. Здесь было теплее и подремать можно было. И от глаз начальника дальше. На полу можно выпрямиться. Ты отдыхаешь, пока другие выступают. Наряд шел целый час, пока больше сотни человек отметят. Однажды прозвучал приказ: «Всем – подъем, а Шалакин – останется». За чем? Вышли все, человек 160. Мне сказали подойти к столу. Подошла, начальник говорит: «Сегодня будешь за десятника, он заболел». Я сказал, что малограмотный. Но отказаться было невозможно. И вот эта ночь – мое первое руководство.

Десятник – самый маленький начальник. Он всегда находится среди рабочих, с ними выполняет наряд, который дали на смену. Это – работа с людьми. Есть один закон для всех: сумеешь – будешь работать, не сумеешь – тебя уберут. Я стал десятником, когда был еще молодым. У меня в кармане – талоны на добавочный хлеб. Около людей стоять не надо, они работу сделают и подойдут за талоном. Для меня не было трудностью, кого куда поставить. Я знал, кто где сможет работать, да и люди меня уважали. Расставлял людей. Подходил к ним по-человечески. Что же получилось? Наряд мы в ту ночь выполнили. Пошел на отчет к начальнику. Он сказал: «Молодец, ты, оказывается, можешь руководить. Отдохни, а завтра зайдешь, напишешь рапорт – отчет о работе – и будешь знать, как его писать».

Рапорт стал проблемой. На второй день я зашел, начальник пригласил нормировщика. Он был мужик хитрый, говорит мне: «Пойдем со мной, я тебе дам старый рапорт и все расскажу». Пришли к

нормировщику, он дал мне старый понятный рапорт, и пошло дело. Так я проработал десятником месяца два. И так началась моя новая профессия. Она физически нетяжелая. Да сначала с меня и не требовал многого начальник. Но все возможное делал, и люди слушали меня. Среди них были немцы, русские, военнопленные. Одеты были кто в чем. Питались тоже так: кто как сумеет. Наряды (задания) были большие. За 14 часов делали немало. Но с каждым днем требовали больше.

Люди – это не вороны. Перо в перо не рождаются, но делятся на медь, серебро, золото, янтарь и англо-лов. Слово короткое держат в руках по-разному. Золото – у кого золотые руки и трезвая, умная голова. Он не оскорбит ни малого, ни старого. Так он и жить должен богаче. Я обязан называть его господином лишь потому, что я так не сделаю, как он. Ангел умный, хитрый и хочет поспорить с природой. Таких людей можно редко встретить. Это, по моим наблюдениям, каждый 113-й человек.

И вот выздоровел тот десятник, который до меня был, но его не поставили и меня сняли. Поставили человека с аттестатом. Стал я снова машинистом подземного электровоза. Возил лес и выгружал, кое-когда что-то побаливало в груди.

Потом меня поставили диспетчером. И без конца ставили, снимали, потому что прав на более высокие должности у меня не было. В то время было принято снимать с работы не великих начальников, а таких, как мастера. И была травля друг на друга. Приходишь на смену – вместо тебя уже есть человек.

Непосильные задания

Наряды давали непосильные и требовали их неукоснительного выполнения, оскорбляли. Шахта «Коксовая» была показательной. Кто грубо с людьми обращался, того хвалили.

Да, я еще подробно так и не описал, кто такой десятник. Этот человек пользовался большими правами, и на него кому-то жаловаться не положено было. С полочки ему рабочие давали деньги – по 25 рублей. Да и сам он мог взять. Кто с ним спорил – или погибал, или нес тяжелую кару. Когда он получал деньги, то день или два смотрел по-человечески на людей, а потом снова давил, чтобы получить прибавку в следующий месяц. Мне тоже давали, но я не брал ни водки, ни денег. В мои годы, когда я служил, десятник – старший над людьми – обязан был обеспечить людей местами и заставлять их работать, проводить наряд. Задание было написано на две смены, а выполнять его обязаны были за одну смену.

109

Садился я за стол, брал журнал, где записаны все. Рядом садился парторг, роста невысокого – 160 сантиметров, откормленный, отдохнувший при полной силе. Ему лет 45. Первое мое слово: «Наряд сложный, постараемся выполнить». За мной встал парторг. Его слова: «Наряд любой ценой выполнить, да здравствует вождь!» На этом заканчивается наряд. Парторг не умел согнуться. Он мог стоять по стойке смирно, сидеть, лежать. Он не умел за собой окурки убрать, не умел взять в руки метлу, веник. Он знал два слова: «враги», «кулаки». Он знал свой кабинет, квартиру. Его до квартиры провожали. Скажи ему: «Иван Петрович, вот веник, подмети в своем кабинете, убери порожние бутылки». Он этого не сможет сделать. Это называлось – партия. Так было. Он не способен в стакан для себя плеснуть кипятку. Все это делали умелые руки присланных людей. Меня спросят внуки, откуда брали таких людей? Ответить можно. Привозили из Воронежа, Тамбова, Курска. А как их подбирали, не могу знать.

Мне скажут, дед, зачем ты слушал лодырей и дураков? Что ответить? Был молодой, хотел жить. Позже довелось встретиться еще раз с одним, теперь уже бывшим, парторгом. Служил я в то время на лесном складе десятником. Дело было в первую смену. Подходит ко мне бывший парторг. Начальника не было. Он показывает мне документ на дрова. Мой ответ: «Грузите, отпустим». Он говорит: «А людей для погрузки?» Мой ответ: «Не имею права, вы это знаете».

Он замолчал, походил-походил около машины, согнуться сам не мог. Приехал начальник, дал людей, погрузили. И его увезла машина.

Эти люди без ангелов-работников не способны существовать. Кто давал таким парторгам портфель? Мне куда деваться, я к старости стал коммунистом. Стало быть, тут и моя вина есть. Сейчас, в октябре 1988 года, идут перевыборы в моей партии. Не желаю, чтобы парторгами избирали таких, которые периодически попадались на моем трудовом пути.

Женский труд

Были ли в войну женщины в шахте или их там не было? Конечно, были. И немало. На участке подземной доставки леса шахты «Коксовой» трудились примерно восемь женщин. Они большие труженицы. Как делал я? В своей смене ставил одну старшей и говорил всем: «Вы хозяйева работы, я к вам ходить не буду». И они все делали на большом морозе. Когда какая из них скажет мне, что она не может, потому что больна, как-то шел навстречу и отпуская. А начальнику говорил, что больна.

Оплаты не делал, просто ставил в таблице букву «б». Так это всего один день, и недомогающая женщина была довольна. Не отпусти – это верная болезнь или смерть. Я не злоупотреблял, в гости к ним не ходил и не требовал никакой отдачи. Сейчас в 1980-х годах я здороваюсь с ними, встречая на улице. Боже мой, а сколько осталось неженатых мужчин и незамужних женщин? Причин много. Одни ненавидели нищету. Другие понимали, что мало чего хорошего приносит женитьба при такой скудной жизни.

Молниеносный рейд начальства

В моей памяти сохранился такой случай. Дело было ночью ближе к концу войны. Я был бригадиром на поверхности шахты. Мела пурга, лес быстро подвозить невозможно. В это время мы принимали и развозили лес на горизонт минус 200 метров – действительная глубина от поверхности земли – больше 400 метров. Под уклоном, который с поверхности вел в шахту, был сильный сквозняк. Леса для погрузки в вагонетки временно не было. Получился перекур незапланированный. Мы пошли, где потише, и присели там. Кто дремал, кто бодрствовал. Нас было человек 12.

И вдруг появляется в белой спецодежде начальник шахты. Это был человек выше среднего роста. Говорили, что он татарин, но с фамилией русской. С ним было еще человек семь. Захватили нас врасплох. Мы бежать, обойти их негде было. Они вытолкали нас толчками на открытое место. Мы разбежались, заняли свои рабочие места. Начальник шахты спросил: «Кто старший?» Указали на меня. Он спросил, где я в то время был, когда все дремали. Я ответил, что ходил смотреть порожние «козы». Из этих людей никто не сказал, что я был с ними и также дремал. Он сказал: «Всем срезаю паек хлеба. Было 800 граммов в сутки, будет – 600».

Утром позвонил мне начальник и сказал, чтобы я зашел на отчет к нему. Мы наряд все же выполнили и закончили работу не в девять утра, а в 11 часов. Пришел к начальнику, рассказал, как было. Он говорит: «Что делать? Завтра урежут паек, иди к директору, проси прощения за всю бригаду, а я буду у телефона. Как позвонит, тоже просить буду». Пошел я. Директор был один. Принял меня. Он позвонил начальнику. Мне не было слышно, о чем они говорили. Когда он положил трубку, сказал: «В последний раз прощаю». Я вышел из комбината, пошел в мойку, где меня ждали все, кто попал в переполах. Я сказал им, что мне сказали. Пошли мы отдыхать. Все были довольны.

110

Еще одна травма

В ночную смену мы выгрузили лес и ехали в пу-
стых вагонетках под лесным уклоном. Время было
два часа ночи. Видим: на путях стоит человек, ма-
шет головой. И руки его тоже на голове. Пришлось
остановиться. Мужчина высоко держал в одной
руке свою вторую травмированную руку. Когда я по-
дошел к нему, он сказал: «Подвезите меня, голова
кружится». Спросил: «Что случилось?» Он показал
руку. Ладонь до кости была разорвана. Мы подвез-
ли его, помогли выбраться из вагонетки. Когда он
пошел дальше, то сказал, что рад случаю. Каждый
из нас тратил на работе 14 часов и больше в сутки.
Если человек добывал себе еще и пищу, чтобы сы-
тым быть, он спал на ходу при любой обстановке.
Но не оговаривался, все старался выполнить, но
любую свободную минуту спал. Все ли так жили?
Нет. Начиная с горного мастера и выше, снабже-
ние – особая столовая, где они могли свободно по-
пить чай и покушать. К начальнику прикрепляли ку-
чера с лошастью и повозкой. А людьми он мог
распоряжаться, как хотел. Это на самом деле были
очень тяжелые годы.

Грубая ошибка

Услышал, как один человек, по национальности
немец, сказал, что наше государство – страна ду-
раков. Думаю, эти его слова – грубая ошибка. При-
чесывать всех одним гребешком не положено. Мне
довелось служить с людьми многих наций и народ-
ностей. Всех их долго перечислять. Каждый чело-
век имеет свою голову, свой характер. Не признаю
хорошей или плохой нации. Все из одного теста. А
прожить свою жизнь короткую и сказать: «Прожито
хорошо» – невозможно. Необходимо много учиться.
Нужно, например, уметь правильно открыть и
закрыть кран, правильно набрать в стакан воды,
утолить жажду, чтобы к этому лежала душа и было
красиво.

Выбрал спутницу жизни

В 1944 году мне исполнилось 26 лет. Стали
бабы спрашивать у моей матери: «Будет Трофим
жениться или нет?» Женщины и девки вокруг меня
были, конечно. Можно было уйти из своей семьи к
какой-нибудь подруге, но нельзя было вырваться из
шахты. Однако в январе 1945 года произошла моя
женитьба на Татьяне Ивановне Головяшкиной. Как
ее нашел? Я возил в шахте «Коксовой» лес на элек-
тровозе. А она заряжала батареи для него. Была
старшей зарядчицей в подземной мастерской при
локомотивном депо. Один раз сходили в кино,
всего-то знали друг друга две недели. На ее участке

работал мужчина старше меня годами. Он уже имел
свою семью и говорил мне: «Трофим, бери Татьяну,
она работает хорошо и небесовестная». Он уточ-
нил, что сам живет рядом с ними. Вот так нашел я
Татьяну Ивановну Головяшкину. Она родилась
10 сентября 1924 года в селе Долганка Крутихин-
ского района Алтайского края. Во время индустри-
ализации их семью более-менее организованно де-
легировали с обских просторов в Прокопьевск. На
вид Татьяна Ивановна была, нельзя сказать, что
плоха, но тоже – нищая. Я догадывался, что еще и
неважно видела.

Подошло время сватовства. Пошли со мной к
сватам мать и товарищ по работе. Он старше меня
был лет на 12. По пути он мне говорит: «Трофим, да-
вай не пойдем Татьяну сватать, а пойдем в другое
место, это для тебя будет лучше». Я ту даму тоже
знал, видеть видел, но говорить с ней не говорил. Я
сказал: «Нет, пошли к Татьяне Ивановне». И сосва-
тали ее. На следующий день я взял у начальника ло-
шадь, чтобы перевезти богатство невесты в наш ба-
рак в Березовой Роще. Там везти было нечего:
маленький сундук полупустой. Она жила недалеко
от шахты «Коксовая», около ее терриконика в полу-
землянке. Уголь они не покупали, а носили с этой
горы, там его можно было набрать сколько угодно.
В их землянке невест много было набито, как се-
ледки в бочке. Когда на подводе ехали через город-
ской базар, купили койку, из труб сваренную.

И вот приехали в Березовую Рощу. Поставили
койку, покрашенную белой краской, в комнате.
Привез на этой лошади я и уголь. Стал хозяином.
На следующий день пришел брат Татьяны Иванов-
ны – Михаил, хотел узнать, где и как живет сестра.
Пообедал, выпил и ушел. Через день сестра Татья-
ны Ивановны пришла пол мыть, но моя мать бы-
стро ее отправила восвояси. Хотели справить ве-
чер. Дал я 1 000 рублей теще Ульяне Ивановне
Головяшкиной. Поехала она с сыном Михаилом в
Новокузнецк, чтобы купить там хорошей водки. По
дороге 200 рублей пропили, остальные вернули.
Вот так и повечеряли.

Свободный гражданин

Я пережил то, что не каждому удалось прожить.
Считай, как будто вышел из могилы. К концу войны
я был уже свободный гражданин Советского Союза.
Как же это получилось? Я уже говорил, что когда
учился в вечернем техникуме, учительница русско-
го языка сказала мне написать письмо в Верховный
Совет СССР о том, что я никакой не враг ни себе, ни
стране. Прощение о разъяснении моего положения

было написано и отправлено в Москву. Но об этом я со временем забыл.

И вот в марте 1945 года мне пришла повестка с распоряжением: срочно явиться в Прокопьевский городской отдел милиции. Подумал: «Может, это по поводу пострадавшей лошади вызывают». Пришел в горотдел к указанному времени, предъявил повестку. Мне сказали: «Заходи». Кабинет длинный. За столом сидел мужчина лет 40. Я был от него в четырех метрах. Он поинтересовался, подавал ли я когда-нибудь прошение в Верховный Совет. Припомнил и сказал:

– Давно.

– Почему не получал документ?

Я сказал:

– Мне никто не говорил об этом.

– Чем занимаешься?

Ответил:

– Работаю.

– Может быть, войны боялся?

– Записывался добровольцем.

Тогда он запросил мои дела. Принесли. Хозяин кабинета посмотрел их и сказал: «Ты не виноват, сейчас тебе принесут три справки. Получишь свободный паспорт и будешь свободным гражданином СССР». Долго ждать не пришлось, скоро выдали справки, я расписался за них.

На следующий день пошел в милицию, где была огромная очередь, и сдал те справки. Через неделю пришел за свободным паспортом. А вечером мне подали паспорт без права выезда. Такой же, какой у меня до этого был. Я паспортистке сказал: «Такой паспорт мне не нужен, я сдавал документы на другой». Но говорить с ней было бесполезно. Тогда я пошел напрямик к начальнику милиции и отдал ему одинаковые паспорта. Через месяц мне дали временный волчий билет на шесть месяцев, а после – с какой-то ограничительной статьёй, но с тем паспортом уже можно было свободно ездить по Советскому Союзу.

Кто и за что воевал?

Войну описывать не желаю. Я ее слегка касался, да немного боюсь правды. Мне говорили, что про войну много написано, но так, как Лев Толстой, вроде бы не написал никто подходяще. Не написал бы и он про ту войну, при которой я существовал на планете. Не написал бы и то, как я ее понимаю или представляю. А сам не хочу царапать о своих понятиях.

Мне скажут, чего бояться? Не могу ответить на этот вопрос. Нельзя без конца упираться в войну, ее понимают по-разному. Поэтому боюсь о ней писать. Недавно встретил двух фронтовиков. Спрашивают: «За что мы воевали?» Каким был мой ответ? Прощел мимо молча.

Есть погибшие на войне и вернувшиеся с полей сражений в нашей родове. По линии Ивана Федотовича Шелакина – Федор Павлович Андреяшин, награжденный орденами Красной Звезды и Отечественной войны. В Польше погиб Григорий Васильевич Левченко, брат моей матери. При перегоне бомбардировщика на фронт в 1943 году погиб борттехник Николай Иванович Шелакин. Не вернулся с фронта журналист Николай Софонович, сын моей тети. Прошел фронтовыми дорогами и вернулся к мирной жизни брат матери Дмитрий Васильевич Левченко. И это далеко не полный список.

Знамя ГКО

В годы войны шахта «Коксовая» являлась крупным поставщиком коксующихся углей. За пять военных лет здесь добыли для промышленных предприятий более 11 миллионов тонн топлива. За это шахте передали на вечное хранение Красное знамя Государственного Комитета Оборона. В городе Прокопьевске за 1941–1945 годы выдали на-гора 25 миллионов тонн угля. Его жители в фонд обороны собрали более 36 миллионов рублей – астрономическую сумму. А Кемеровская область за годы нарастила производственные мощности вдвое.

Публикация Григория ШАЛАКИНА

